

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

**GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL
PROBLEMS IN THE FORMATION
OF THE RULE-OF-LAW STATE**

УДК 340.12

DOI 10.33184/pravgos-2021.4.7

КАЛИНИН Сергей Артурович

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
теории и истории государства и права Белорусского
государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь; Kalinin@bsu.by*

**УНИКАЛЬНОЕ И ЗАКОНОМЕРНОЕ
В СОВРЕМЕННОМ ПОНИМАНИИ ГОСУДАРСТВА**

В статье анализируются проблемы современного понимания государства, факторы и детерминанты, определяющие его сущность. Выдвигается идея о том, что важнейшим фактором, определяющим необходимость переосмысления сущности государства, является современный глобальный кризис и хаотизированная нестабильность. Предлагается методология изучения государства, отвечающая постнеклассической научной и управленческой рациональности. Обосновываются новоевропейская природа и признаки современной государственности, которая испытывает влияние трехуровневой структуры государственности в мир-системе, выявляются особенности исторического возникновения конкретных стран. Предлагается изучать государство через соотношение триады параметров «власть – население – территория», взаимодействие которых порождает различные типы организации власти. **Цель:** предложить новые методы, пригодные для изучения государства в контексте современного глобального кризиса, сопровождающегося снижением познавательного потенциала методологии, сформированной в рамках либеральной геокультуры; проанализировать на основе выдвинутых методов сущность и природу современной государственности. **Методы** постнеклассической и класси-

ческой науки: включенности наблюдателя в познаваемую реальность, мир-системного анализа, субъектный, пространственного измерения, исторический. **Результаты:** исследование позволило выявить новоевропейскую природу современной государственности, приходящей в упадок в результате глобального кризиса, раскрыть исторические особенности формирования такого типа государственности, в том числе применительно к Республике Беларусь.

Ключевые слова: государство; признаки и сущность; новоевропейская государственность; белорусская государственность; методология юриспруденции; факторы и детерминанты государственности; пространственное измерение государственности.

Особенностью юриспруденции как сложной и многоаспектной сферы бытия является дуализм ее предмета, включающий неразрывно взаимодействующие на различных уровнях и взаимообусловленные государство и право, которые допустимо рассматривать в качестве видов публичной власти и социального регулирования. При этом сами вопросы сущности государства и права являются в правоведении наиболее сложными и, по сути, воспринимаются конвенционально применительно к конкретной эпохе, типу властвования и т. д. Такая конвенциональность коррелирует с теоремами о неполноте формальных систем К. Гёделя и А. Тарского. На наш взгляд, государство и право необходимо рассматривать в качестве следствий ряда внешних и внутренних факторов и детерминант, поэтому их изучение целесообразно предварять выявлением таких феноменов, понимая, что они могут конвенционально учитываться (адекватно, чрезмерно либо недостаточно) либо отвергаться, а термины «государство» и «право» могут обозначать сущностно различные явления.

Изучение любой государственности, на наш взгляд, требует учета таких относимых к постнеклассической научной и управленческой рациональности методологических принципов, как детерминированность свойств познаваемого предмета качествами и ценностно-мировоззренческими стереотипами наблюдателя, включенность наблюдателя в познаваемую реальность.

То есть исследователь будет соотносить концептуальные проблемы государственности со своими мировоззренческими, историческими и иными стереотипами (ожиданиями), обусловленными как конкретно-исторической сущностью конкретного государства, так и «властным»/«социальным» заказом, направленным на бытие державы. В нашем слу-

чае на познание влияет сложная субъектность Республики Беларусь – современного новоевропейского постсоциалистического полупериферийного государства. Белорусская государственность имеет сложную нелинейную многофакторную природу, исторически являясь объектом иных, имеющих линейный нарратив, государственных миропроектов [1]. Она возникла в ходе революционных событий 1917 г., вызванных комплексом противоречий в Российской Империи и тенденций в капиталистической мир-системе, максимально усиленных Первой мировой войной.

В настоящее время наиболее значимой детерминантой государственности является глобальный кризис легитимированной либеральной геокультуры капиталистической мир-экономики, вызванный дефицитом пространства и ресурсов для экстенсивного расширения, падением норм прибыли и утратой США роли мирового гегемона. Это объективно снижает эвристически-познавательный потенциал феноменов, порожденных данной мир-экономикой и геокulturой (демократия, права человека, правовое государство и т. д.), требуя выработки новых подходов, позволяющих анализировать хаотизированную реальность. При этом важными тенденциями и аксиомами современной социально-гуманитарной науки являются:

1) рассмотрение либеральных государственно-правовых моделей в качестве эталонных и универсальных, что ставит незападные цивилизации и страны в положение вечных учеников;

2) констатация кризиса национального государства, которое в силу «врожденного» авторитаризма должно «передать» власть международным структурам и транснациональным корпорациям, о «демократической» сути которых говорить затруднительно.

Важным этапом данного кризиса явилось и противостояние капиталистической и социалистической систем, завершившееся капитуляцией и разрушением последней. В результате этого кризиса Республика Беларусь обрела независимость. Распад СССР повлек глобальную дезинтеграцию успешного миропроекта, обусловил переход постсоветских республик в периферийную (колониальную) государственность. Данный процесс в первую очередь ударил по России, которая, имея все возможности создать альтернативный центр глобального развития, генетически связанный с православной традицией христианской цивилизации, отдающей предпочтение социальной справедливости, стремилась стать младшим партнером «цивилизованного мира». В результате постсоветские республики также стали интегрироваться в «цивилизованный мир», но за счет отрицания любой позитивности исторического взаимодействия

с Русью-Россией, чрезмерной критичности к советскому периоду, негативного отношения к Победе в Великой Отечественной войне, виктимного национализма, русофобии и т. д. При этом Беларусь уже в 1994 г. отказалась от таких форм легитимации, выразив потребность в реинтеграции с Россией, в отстаивании положительной роли советского этапа истории, в необходимости самостоятельного целеполагания и т. д. Это отразилось в ответах на вынесенные на республиканские референдумы вопросы, которые заложили основу будущей интеграции Беларуси и России¹.

Считаем, что на данном этапе изучение государства как многомерного феномена, диалектически взаимодействующего с правом, является более актуальным. Так, многомерность позволяет рассматривать термин «государство» как обобщающий, характеризующий историческую, отделенную от населения, территориальную публичную власть; государственность, признаваемую правильной (идеальной) в конкретный исторический период либо конкретной уникальной цивилизацией. То есть государство должно одновременно рассматриваться и как концептуально-методологический, и как конкретно-исторический феномен, что отражает присутствие в государстве как номотетических, так и идеографических аспектов.

Диалектическое взаимодействие (единство и борьба противоположностей) государства и права выражается в том, что государство, описываемое правом как совокупность органов и полномочий (юридическое лицо), представляет собой динамический феномен, в рамках которого классы (сословия и т. д.) стремятся к реализации собственных целей. Право же статически закрепляет и охраняет сложившийся на определенном моменте и воспринимаемый (навязываемый) в качестве справедливого баланс интересов. То есть право выступает инструментом самоорганизации государства и представленного им социума.

Однако право имеет и иную природу, обеспечивающую нормирование власти и отражение в ней ценностно-мировоззренческой составляющей, которая и определяет параметры власти и государства как одной

---

¹ Республиканский референдум от 14 мая 1995 г., вопрос о придании русскому языку равного статуса с белорусским: за – 83,3 %, против – 12,7 %; поддерживаете ли Вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь: за – 75,1 %, против – 20,47 %; поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией: за – 83,3 %, против – 12,5 %. Референдум от 24 ноября 1996 г., вопрос о переносе Дня независимости Республики Беларусь (Дня Республики) на 3 июля – день освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне: за – 88,18 %, против – 10,46 %.

из ее форм. Поэтому требования об ограничении государства правом, управлении через право и т. д. целесообразно рассматривать именно в таком контексте.

Также диалектическая противоречивость отражается в том, что юриспруденция, направленная на осмысление внутригосударственной (национальной) системы права, как правило, рассматривает государство в таком же (одномерном, национальном) ключе. Однако государство всегда находится в определенных меж-(интер-)субъектных взаимодействиях, касающихся:

1) внешних субъектных систем, включающих конкретную государственность;

2) внутренних субъектных систем (сословия, нации, конфессии и т. д.), стремящихся воздействовать на государство в своих интересах либо интересах иных субъектов.

Переосмысление сущности государства, объективно влекущее и переосмысление его признаков, целесообразно, на наш взгляд, проводить через триаду параметров «власть – население – территория», идентифицируемых в качестве «своих» либо «чужих». Обращение к такой триаде, взаимодействия в рамках которой порождают различные формы властвования, позволяет изучать идеографические уникальные факторы, заложенные как в отдельных типах государственности, так и в конкретных исторических державах. Эти факторы могут приобретать и номотетическое закономерное значение.

Взаимодействие названных параметров и сложная природа государства, на наш взгляд, наиболее корректно могут быть описаны в рамках:

1) постнеклассического субъектного подхода [2], рассматривающего государство в качестве уникальных пространственно локализованных и историко-детерминированных систем, обладающих качествами самоорганизации, саморазвития и саморегулирования, находящихся в сложных меж-(интер-)субъектных взаимодействиях, способных к целенаправленному преобразованию реальности, действующих в рамках внешних хаотических воздействий;

2) мир-системного анализа, объясняющего наличие нескольких типов государственности в мир-системе в силу способности капитализма порождать внекапиталистические формы экономической деятельности.

Также мир-системный анализ как неомарксистская доктрина позволяет вести речь о социальных и иных противоречиях, способы разрешения которых порождают общественные структуры, а субъектный подход свидетельствует о качестве стратегического управления и пла-

нирования, реализуемых в сложных кризисных условиях неясной природы и вступающих в конфликт с аналогичным целеполаганием иных субъектов (Failed state, перехват субъектности, управляемый хаос и т. д.) [3; 4; 5]. Это позволяет ввести в юриспруденцию термин «война», в том числе «гибридная война». Война – это «великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели» [6, с. 37], «подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [7, с. 12], характеризующая «вызовы» и качество «ответов» на них.

Использование мир-системного анализа позволяет именовать порожденную капиталистической мир-системой государственность ново-европейской, противопоставляя ее полисам, теократиям и империям [8]. При этом капиталистическая мир-система также порождает трехуровневую систему государственности (ядро – периферия – полупериферия), на которую оказывает влияние в том числе и пространственный фактор.

Западная политико-правовая наука начала активно осмысливать пространственную обусловленность государства, по сути, лишь с середины XIX в. Это совпало, выступив предпосылкой возникновения цивилизационного подхода, с очередной фазой колониального раздела мира и столкновением Запада с иными культурами, а также с трансформацией государственности, обусловленной переходом от феодализма к капитализму и обращением к национальной проблематике. Одновременно отметим корреляцию такого осмысления с «раздвоением» предмета юриспруденции, проявившимся в рассмотрении обусловленности сущности государства географическими и этническими факторами, вынесенными за рамки юридической науки, породившими феномены геополитики («политической географии») [9; 10, с. 19, 95–96, 105] и расовой теории сущности государства [11; 12; 13]. Так, Р. Челлен указывал на наличие у каждого государства «раз и навсегда ограниченного исторического ядра, за пределы которого оно не может выйти без ущерба для собственной жизнедеятельности» [10, с. 95–96, 105], ряд подходов к происхождению государства и права получили территориально-этническую привязку [14; 15; 16; 17].

В XX в. на пространственную обусловленность государства оказали влияние Первая мировая война, повлекшая ликвидацию Австро-Венгерской, Германской, Османской, Российской империй и возникновение на их территориях совокупности национальных государств («лимитрофов»), Вторая мировая война и последующий процесс деколонизации, обусловившие появление независимых государств в Азии и

Африке, а также распад СССР и советского блока. При этом во второй половине XX в. пространственная обусловленность государства получила новые ракурсы, вытекающие из глобального единства мира.

Пространственная детерминированность позволяет выделять взаимодополняемые и взаимодействующие локальный, великодержавный и глобально-цивилизационный уровни. Локальный уровень характеризует наименьшего субъекта самоорганизуемой публичной власти, находящегося в договорных (автономных) отношениях с субъектами более высокого уровня (феодалы Западной Европы, княжества Древней Руси, протогосударственные племенные союзы и т. д.). Великодержавный уровень представляет собой систему связанных единой историей, географической и нарративно-историософской территорией, мировоззрением, династией локальных субъектностей, выступающую для них в качестве верховного субъекта и центра притяжения. Глобально-цивилизационному уровню соответствуют субъекты имперского типа, обладающие следующими признаками:

- 1) стремление к беспредельному владычеству и утверждение системы пространственной всеобщности;
- 2) исключение империей идей хода истории, закрепление существующего положения вещей, позиционирование империи как находящегося вне времени способа правления;
- 3) распространение имперской власти на все уровни социального порядка и стремление к созданию собственного мира;
- 4) метафизическое стремление к вечному и всеобщему миру за пределами истории [18, с. 12, 14].

Пространственная обусловленность государства может изучаться на основе следующих описывающих территорию методологических аксиом:

- 1) территория как пространство бытия конкретного государства;
- 2) территория как пространство меж-(интер-)субъектного взаимодействия и позиционирования этого пространства на «свое» и «чужое»;
- 3) рельефно-климатические детерминанты государственности;
- 4) этнонациональные детерминанты государственности;
- 5) глобальность мира как условие меж-(интер-)субъектных коммуникаций.

Базовыми признаками новоевропейской государственности, на наш взгляд, следует признать:

- 1) соотносимый с конкретной (реальной либо виртуально-нарративной) территорией суверенитет, обеспечиваемый как политикой государства, так и признанием соответствующей межгосударственной сис-

темы (в данное время – через согласие/несогласие «международных наблюдателей» с выборами высших органов власти);

2) рассмотрение народа в качестве источника власти, породившее феномен национального государства (государства-нации);

3) монополия на легальное принуждение и унификация правовой системы;

4) социальная инженерия и управление населением;

5) сбор налогов на общесоциальные и инфраструктурные проекты;

6) инновационно-инвестиционная и инфраструктурно-техногенная природа, неразрывно связанная с капиталистическим укладом и поиском элитой источников собственного и общесоциального финансирования в условиях изменения технологических укладов;

7) детерминированность политики и функций местом в мир-системе.

Отметим, что ряд названных признаков могут относиться к любому типу государственности, а ряд – лишь к новоевропейской государственности, будучи уточняемыми применительно к конкретному типу организации власти (ядро – периферия – полупериферия).

Осмысление формирования и развития различных форм новоевропейской государственности не может быть корректным вне исторического метода. Данная государственность возникла на рубеже Средневековья и Нового времени, когда носители власти были вынуждены начать инновационное стимулирование экономики, создавать инфраструктуру и активно управлять населением, посредством войн и силового давления включать иные субъекты и регионы в собственные товарные цепочки. В результате государство превратилось в «обязательную контрольную точку» обеспечения экономического роста [8; 19; 20; 21; 22; 23]. Первоначально зарождение названной государственности происходило скрытно, в основном в Северной Италии (Возрождение), а с середины XVII в. (Реформация) его необратимые последствия, сопровождавшиеся упадком общеевропейских глобально-предельных субъектов (Святой Престол и Священная Римская империя германской нации), породили цивилизацию Модерна и капиталистическую мир-систему. Экспансия капитализма в сочетании с мировоззренческой агрессивностью и техногенностью обеспечила всемирное распространение данного типа власти, сопровождавшееся претензиями на универсальность применительно к любым периодам и народам, образованиям и формам организации. Это параллельно влекло уничтожение либо трансформацию (мо-

дернизацию) неевропейской государственности, включение ее в логику капиталистической мир-экономики.

Первоначально новоевропейская государственность была представлена торгово-промышленными городами-государствами Северной Италии, затем абсолютными монархиями Испании, Франции и Великобритании, с последующим выделением вектора конституционно-олигархических правлений Нидерландов и Великобритании, стремящихся преимущественно к торгово-промышленному, но не территориальному (как абсолютные, основанные на бюрократическом управлении монархии) доминированию.

При этом изначальные государства ядра капиталистической мир-системы стали приобретать двойную сущность, вытекающую из необходимости территориальной консолидации населения и стимулирования экономического роста. В первом случае это собственно национальное государство, во втором – двухуровневая имперская государственность (метрополия – колонии).

В имперской государственности, на наш взгляд, стала достаточно четко проявляться колониальная и континентальная (территориальная) сущность, детерминирующая способы связей метрополии с колониями. Континентальные империи (Германия, Россия, Австро-Венгрия, Османская Порты и др.) в своей основе строились на поиске моделей инкорпорации (с различными вариациями) присоединяемых территорий в общеимперскую структуру, а также включения региональной знати в силу классовой солидарности в общегосударственную элиту. При этом для давления на региональные элиты могли использоваться и местные классовые, религиозные, социальные и иные противоречия [24]. Континентальные империи объективно не могли лишь эксплуатировать колонии в интересах имперского домена в первую очередь в силу территориального контакта и необходимости обороны границ. Одновременно на окраинах, которым империя обеспечивала безопасность и определенное развитие при усилении социальных, религиозных, национальных и иных противоречий, формировались и развивались идеи о разрешении названных противоречий в отдельном национальном государстве [25, с. 50–94].

Колониальные империи (Великобритания, Франция, Нидерланды, Бельгия, Испания и др.) имели заморские колонии, отделенные от метрополии, что позволило консолидировать население метрополии в единую нацию посредством всеобщего избирательного права и высокого уровня жизни, достигаемого грабежом. В итоге названные державы, скрывая имперскую сущность, глобально позиционировали себя демократическими национальными социальными государствами.

Параллельно на генезис национальной государственности влияли и иные тенденции:

1) формирование в XIX в. отдельных наций в рамках индустриальной экономики и образование единых рынков, во многом «разрывавших» логику реальной и фантомной имперской государственности;

2) стремление к социальной справедливости и перераспределению земельной собственности, находящейся в руках аристократии;

3) появление слоя национальной интеллигенции, сформированной из образованных «разночинцев» и стремящейся получить доступ к власти.

Окончание Первой мировой войны и Парижская мирная конференция (1919–1920) привели к созданию в Центральной и Восточной Европе совокупности новых национальных государств (государств-наций), претендующих на возвращение «исторических территорий» либо требующих «жизненного пространства» за счет неисторических народов, что, по сути, одновременно с борьбой Германии за доминирование в капиталистической мир-системе [26, с. 19–62] и было целью англосаксонского блока в данной войне. Уничтожение имперских образований позволило сформировать глобальный рынок, включающий небольшие слабые формально суверенные государства, не способные отстаивать свои интересы перед государствами ядра [27].

Как было отмечено, ликвидация континентальных империй после Первой мировой войны, распад колониальных империй после Второй мировой войны породили активные процессы государственного строительства на соответствующих территориях. На эти процессы подспудно влияли исторические особенности формирования территориальных и колониальных империй. В частности, применительно к территориальному постимперскому строительству важным фактором образования национального государства выступало наличие прерванного имперского проекта, что проявилось в будущих территориальных притязаниях (фантомный (несостоявшийся) империализм). Применительно к колониальному постимперскому строительству – наличие некой исторической формы публичной власти. Названные тенденции отразились и на процессах формирования белорусской государственности.

Первую попытку конституировать собственную государственность реализовал Первый Всебелорусский съезд (5–18 декабря 1917 г.), инициированный советской властью в Петрограде, но разогнанный Областным исполнительным комитетом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта и Советом народных комиссаров области и фронта по причине в том числе дискуссий о

формах будущей государственности Беларуси [28]. При этом изначально виртуально-нарративная будущая белорусская государственность в силу локальности своей территории должна была избрать для себя центр притяжения, которым могла быть Россия либо Польша, а также вектор развития (социалистический либо капиталистический (мелкобуржуазный – в марксистской традиции)). Это и породило две конкурирующие модели белорусской государственности.

Во-первых, это ориентированная на советскую Россию социалистическая модель, представленная двухуровневой структурой власти (наднациональный центр и национальная республика (автономия)). Именно модель, направленная на разрешение существовавших противоречий и обеспечение победы в будущей мировой войне¹, позволила сформировать реальную и исторически успешную белорусскую государственность – Белорусскую Советскую Социалистическую Республику. Это и обусловило постсоциалистическую и преимущественно социальную сущность Беларуси, требующую активной регулятивной позиции во всех социальных сферах и постоянного развития инфраструктуры в целях минимизации имеющихся диспропорций (конечно, в условиях ограничений, объективно вытекающих из сущности капитализма).

Во-вторых, это Белорусская народная республика (далее – БНР) – виртуальная модель государственности, провозгласившая себя в условиях немецкой оккупации, но без призыва к изгнанию захватчиков, не обладавшая реальной властью и готовая сотрудничать со всеми, кроме Советской России. При этом виртуальность БНР позволила ей приобрести идеализированный статус, сопоставляемый с объективно имеющимися негативными аспектами жизни советской и постсоветской Беларуси (идеал vs реальность). В реальности БНР не смогла бы разрешить существующие противоречия (вопрос о земле и т. д.), что придало бы ей антикоммунистический (мелкобуржуазный) и антироссийский вектор, а в ближайшей перспективе привело бы к включению Беларуси в состав либо Германии, либо Польши. Однако учреждение БНР констатировало

---

¹ Практически все государственные деятели того периода понимали, что Первая мировая война не разрешила существовавшие противоречия, а Версальский договор лишь создал новые. Поэтому вопрос Второй мировой войны стоял на повестке во всех государствах. Именно подготовка к будущей войне и предопределяла политику СССР в области индустриализации, коллективизации, народного просвещения, перемещения трудовых резервов из сельского хозяйства в промышленность (в том числе и посредством ГУЛАГа), репрессий политических оппонентов – сторонников мировой революции и т. д.

наличие белорусской сельской нации, стремящейся к самостоятельному решению собственной судьбы.

Как отмечалось ранее, в основу новоевропейской государственности положено стремление власти к расширению собственной ресурсно-инфраструктурной базы, позволяющей включать иные регионы, страны и цивилизации в собственные торговые связи и производственные отношения на правах младших партнеров либо рынков сбыта/источников сырья. Данные цели могли быть реализованы лишь при условии изменения сущности государственного управления и корректировки отношения к населению, которое, с одной стороны, должно выступить ресурсом, обеспечивающим достижение государственных целей, с другой стороны, получить определенное (без сомнения, формально-юридическое) право на управление государством и право на признание собственного достоинства. Поэтому важнейшим качеством и одновременно противоречием новоевропейской государственности является обусловленная идеей власти народа апелляция к правам человека и неспособность населения высокоразвитых государств существовать вне индустриально-техногенной инфраструктуры, обуславливающая важность социальной инженерии.

С одной стороны, это требует государственного регулирования в целях получения ресурсов для обеспечения названной инфраструктуры и выполнения социальных обязательств. При этом цифровизация позволяет качественно улучшить процессы социального управления и контроля, в том числе за счет нарушения прав на приватность. В частности, эпидемия COVID-19 требует от государства реализации соответствующей политики, успешность которой зависит не только от вакцинации, но и от наличия либо качества медицинской инфраструктуры, научных разработок и мощностей, позволяющих производить лекарства, вакцины и т. д.

С другой стороны, манипуляция народом посредством СМИ, социальных технологий и управляемого хаоса объективно может создавать предпосылки для деградации, либо захвата государственности, либо использования государственных средств для обогащения отдельных субъектов, в том числе иностранных или международных.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Современные представления о государстве нуждаются в кардинальном переосмыслении, обусловленном комплексом внешних и внутренних вызовов и угроз неясной природы, при этом существующие в юриспруденции подходы, порожденные либеральной геокulturой, утрачивают эвристически-прогностический потенциал при разрешении проблем, возникающих перед государством. Переосмысление сущности

государства требует как поиска новых методологических стратегий и принципов познания, так и выявления внешних факторов и детерминант, лежащих в основе любой государственности.

2. При переосмыслении государства необходимо учитывать его место и взаимодействие с правом в предмете юриспруденции, а также его многомерность и многозначность, отражаемую в том числе в концептуально-методологическом и конкретно-историческом измерении, что допускает использование таких методологических феноменов, как постнеклассический субъектный подход и мир-системный анализ. В настоящее время важнейшей детерминантой, обуславливающей бытие государства, является глобальный кризис капиталистической мир-экономики, в рамках которого выдвигаются идеи об отмирании национальных государств и передаче глобального управления на уровень международных организаций и транснациональных корпораций.

3. Изучение любой государственности в рамках постнеклассической научной и управленческой рациональности всегда осмысливается в рамках принципа наблюдаемости, то есть зависимости качеств познаваемого предмета от ценностно-мировоззренческих стереотипов познающего субъекта, включенного в познаваемую реальность. В нашем случае это сложная субъектность Республики Беларусь как современного новоевропейского постсоциалистического полупериферийного государства, имеющего сложную нелинейную многофакторную природу, позитивно взаимодействующего с глобально-имперской русской (российской) государственностью.

4. Наиболее распространенным в настоящее время типом государственности следует признать новоевропейскую государственность, обладающую качественной спецификой в зависимости от места в мир-системе (ядро – периферия – полупериферия), от пространственной детерминированности (глобально-имперские, великодержавные и локальные субъекты), а также от исторических особенностей возникновения (проявления) ее национальной сущности и глобально-имперских образований, ее включавших.

5. Переосмысление государства следует осуществлять в рамках трех основных его параметров, то есть триады «власть – население – территория», взаимодействие которых предзадает сущность государства и его признаков. В основу современной новоевропейской государственности положены принципы суверенитета, обеспечиваемого признанием межгосударственной системой, рассмотрения народа источником власти, а также управленческая природа государства, рассматривающего

народ в качестве объекта социальной инженерии. Успешность новоевропейского государства зависит от его инновационно-инфраструктурных и техногенно-индустриальных объектов, без которых современное население не может существовать. При этом объективная потребность в социальной инженерии, реализуемой на качественно новом уровне за счет возможности обработки больших массивов данных при помощи информационных технологий, вступает в конфликт с правами человека, в том числе в силу того, что государство начинает действовать не столько в интересах народа как источника власти, сколько в интересах иных субъектов, как правило, бизнес-структур.

Библиографический список

1. Калинин С.А. Геоконцептуальное (нарративное) измерение в методологии познания белорусской государственности // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання : зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал. : С.А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2018. С. 43–48.
2. Калинин С.А. Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 2. С. 6–21.
3. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann>.
4. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы : пер. с англ. / науч. ред. Л.Л. Фитуни. 5-е изд., стер. М. : Претекст, 2007. 406 с.
5. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью : моногр. 3-е изд., испр. и доп. М. : Научный эксперт, 2013. 472 с.
6. Сунь-Цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве : пер. с китайск. М. : АСТ ; СПб. : Астрель, 2011. 606 с.
7. Клаузевиц К. фон. О войне : пер. с нем. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. 861 с.
8. Кревельд М. Расцвет и упадок государства : пер. с англ. / под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. М. : ИРИСЭН, 2006. 542 с.
9. Хаусхофер К., Ратцель Ф. Теория «жизненного пространства» / пер. с нем. И.Г. Усачева. М. : Алгоритм, 2019. 239 с.
10. Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. с швед. М.А. Исаев. М. : РОССПЭН, 2008. 319 с.

11. Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М. : Одиссей : Олма-Пресс, 2001. 764 с.
12. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ». СПб. : Акад. проект, 2003. 398 с.
13. Чемберлен Х.С. Основания девятнадцатого столетия : в 2 т. / пер. Е.Б. Колесниковой. СПб. : Русский миръ, 2012.
14. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки : ст. М. : Прогресс : Пангея, 1995. 459 с.
15. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. : Прогресс, 1988. 244 с.
16. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 461 с.
17. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Айрис-пресс, 2016. 557 с.
18. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. 2-е изд., испр. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 758 с.
19. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. И. Куриллы. М. : Территория будущего, 2010. 512 с.
20. Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2010. 675 с.
21. Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / пер. с англ. Т. Ованнисяна ; предисл. Г. Дерлугьяна ; науч. ред. и послесл. С.А. Нефедова. М. : Территория будущего, 2008. 456 с.
22. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой ; под ред. В. Автономова. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2011. 384 с.
23. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / пер. с англ. Т.Б. Менской. М. : Территория будущего, 2009. 328 с.
24. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 316 с.
25. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. М. : Книжный мир, 2006. 259 с.
26. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века : пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2004. 353 с.

27. Фурсов А.И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты. М. : Книжный мир, 2016. 510 с.

28. Брыгадзін П.І. Першы Усебеларускі з’езд (снежань 1917 г.): да стагоддзя // Журнал Белорус. гос. ун-та. История. 2017. № 3. С. 37–43.

Дата поступления: 24.11.2021

KALININ Sergey Arturovich

*Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head
of the Department of Theory and History of State and Law,
Belarussian State University,
Minsk, Republic of Belarus; Kalinin@bsu.by*

**UNIQUE AND NATURALLY DETERMINED ATTRIBUTES
OF THE MODERN UNDERSTANDING OF A STATE**

The article analyzes the issues of the modern understanding of a state, as well as the factors and determinants that define its essence. The idea is put forward that the most important factor determining the necessity to rethink the essence of the state is the modern global crisis and chaotic instability. A methodology for research of the state is proposed that meets post-non-classical scientific and managerial rationality. The article substantiates a new European nature and attributes of modern statehood, which is also influenced by the three-level structure of statehood in the world system, as well as the peculiarities of the historical genesis of specific countries. The author proposes researching of the state through the correlation of the triad of parameters «power – population – territory», the interaction of which generates various types of power organization. **Purpose:** to propose new methods suitable for studying the state in the context of the current global crisis, accompanied by a decrease in the heuristic and cognitive potential of the methodology formed within the framework of liberal geoculture; to analyze the essence and nature of modern statehood on the basis of the proposed methods. The author uses the following **methods:** post-non-classical scientific paradigm, the principle of the observer's involvement in the cognizable reality, world-system analysis, subjective approach, spatial dimension, historical approach. **Results:** the research reveals a new European nature of modern statehood, which is declining as a result of the global crisis, and historical features of the formation of this type of statehood, in relation to the Republic of Belarus in particular.

Keywords: state; attributes and essence; new European statehood; Belarusian statehood; methodology of jurisprudence; factors and determinants of statehood; spatial dimension of statehood.

References

1. Kalinin S.A. Geoconceptual (narrative) dimension in the methodology of cognition of the Belarusian statehood. In Balashenka S.A. (ed.). *Statut Vyalikaga Knyastva Litoŭskaga, Ruskaga i ZHamojckaga 1588 g.: da 430-goddzya vydannya. Zbornik navukovyh artykulaŭ pa materyyalah kanferencyi* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania, Russia and Samogitia in 1588: to the 430th anniversary of the publication. Collection of scientific articles based on the materials of the conference]. Belarusian State University Publ., 2018, pp. 43–48.
2. Kalinin S.A. Subjective approach: genesis, essence and place to the jurisprudence methodology. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = Pravovedenie*, 2015, no. 2, pp. 6–21. (In Russian).
3. Mann S. Teoriya haosa i strategicheskoe myshlenie [Chaos Theory and Strategic Thinking]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/what/mann>.
4. Perkins J. Confessions of an economic hit man. San Francisco, Berrett-Koehler Publ., 2004. 250 p. (Russ. ed.: Perkins J.; Fituni L.L. (ed.). Confessions of an economic hit man. 5th ed. Moscow, Pretekst Publ., 2007. 406 p.).
5. YAkunin V.I., Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. Novye tekhnologii bor'by s rossijskoj gosudarstvennost'yu [New technologies for fighting the Russian statehood]. 3rd ed. Moscow, Nauchnyj ekspert Publ., 2013. 472 p.
6. Sun Tzu, Wu Tzu. *Traktaty o voennom iskusstve* [Treatises on the art of war]. Moscow, AST Publ., St. Petersburg Astrel' Publ., 2011. 606 p.
7. Clausewitz C. von. *O vojne* [On War]. Moscow, Eksmo Publ., St. Petersburg, Midgard Publ., 2007. 861 p.
8. Creveld M. van. The Rise and decline of the state. Cambridge University Press, 1999. 439 p. (Russ. ed.: Creveld M. van.; Kuznetsov YU., Makeev A. (eds.). The Rise and decline of the state. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 542 p.).
9. Haushofer K., Ratzel F. *Teoriya «zhiznennogo prostranstva»* [The theory of «living space»]. Moscow, Algoritm Publ., 2019. 239 p.
10. CHellen R. *Gosudarstvo kak forma zhizni* [State as a form of life]. Moscow, Political encyclopedia Publ., 2008. 319 p.

11. Gobineau A. de. *Essai sur l'inégalité des races humaines*. Paris, P. Belfond Publ., 1967. 878 p. (Russ. ed.: Gobineau J.A. *An experience of the inequality of human races*. Moscow, Odissej Publ., Olma-Press Publ., 2001. 764 p.).

12. Sarkisyanz M. *Adolf Hitlers englische Vorbilder: vom britischen zum ostmarkisch-bajuwarischen Herrenmenschentum*. Ketsch am Rhein 1997. 350 s. (Russ. ed.: Sarkisyanz M. *The English roots of German fascism: from the British to the Austro-Bavarian «master race»*. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003. 398 p.).

13. Chamberlain H.S. *Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts*. München, F. Bruckmann Publ., 1900. 1032 s. (Russ. ed.: Chamberlain H.S. *Nineteenth century foundations*. St. Petersburg, Russkij mir" Publ., 2012. Vol. 1–2.).

14. Mechnikov L.I. *Civilizaciya i velikie istoricheskie reki. Stat'i* [Civilization and great historical rivers. Articles]. Moscow, Progress Publ., Pangeya Publ., 1995. 459 p.

15. Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow, Progress Publ., 1988. 244 p.

16. Savitsky P.N. *Kontinent Evraziya* [Continent Eurasia]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 461 p.

17. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moscow, Ajris-press Publ., 2016. 557 p.

18. Herder J.G. *Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit*. Riga, Hartknoch Publ., 1774. 190 p. (Russ. ed.: Herder I.G. *Ideas for the philosophy of the history of mankind*. 2nd ed. Moscow, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2013. 758 p.).

19. Anderson P. *Lineages of the absolutist state*. London, Verso Publ., 1980. 573 p. (Russ. ed.: Anderson P. *Lineages of the absolutist state*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2010. 512 p.).

20. Kagarlitskiy B.YU. *Ot imperij – k imperializmu. Gosudarstvo i vozniknovenie burzhuažnoj civilizacii* [From empires to imperialism. The state and the emergence of bourgeois civilization]. Higher School of Economics Publishing House, 2010. 675 p.

21. McNeill W. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force and Society since AD 1000*. The University of Chicago Press, 1982. 405 p. (Russ. ed.: McNeill W.; Nefedov S.A. (ed.). *In pursuit of power. Technology, military force and society in the 11th – 20th centuries*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2008. 456 p.).

22. Reinert E.S. How rich countries got rich... And Why Poor Countries Stay Poor. London, Constable Publ., 2007. 432 p. (Russ. ed.: Reinert E.S.; Avtonomov V. (ed.). How rich countries got rich and why poor countries stay poor. Higher School of Economics Publishing House, 2011. 384 p.).

23. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Basil Blackwell Publ., 1990. 269 p. (Russ. ed.: Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2009. 328 p.).

24. Miller A.I. *Imperiya Romanovyh i nacionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research]. 2nd ed. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 316 p.

25. Kovalevsky P.I. *Russkij nacionalizm i nacional'noe vospitanie v Rossii* [Russian nationalism and national education in Russia]. Moscow, Knizhnyj mir, 2006. 259 p.

26. Wallerstein I. The end of the world as we know it. Social Science for the Twenty-First Century. University of Minnesota Press, 1999. 277 p. (Russ. ed.: Wallerstein I.; Inozemtsev V.L. (ed.). The end of the world as we know it. Social Science for the Twenty-First Century. Moscow, Logos Publ., 2004. 353 p.).

27. Fursov A.I. *Mirovaya bor'ba. Anglosaksy protiv planety* [World struggle. Anglo-Saxons against the planet]. Moscow, Knizhnyj mir, 2016. 510 p.

28. Bryhadzin P.I. The first All-Belarusian congress (December 1917): to the centenary. *ZHurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = *Journal of the Belarusian State University. History*, 2017, no. 3, pp. 37–43.

Received: 24.11.2021